

поселений: каждая крестьянская семья стала ограждать свой двор от соседей, как от чужих» (стр. 35). Это — надуманное объяснение, не имеющее ничего общего с действительностью. Возникновение обособленной сельской усадьбы — результат появления частной собственности на орудия и средства производства и зарождения новых социально-экономических отношений, пришедших на смену коллективной собственности и прежним родовым порядкам; инфильтрация «чужеродных племен» здесь ни при чем.

Ненаучно объясняет автор и происхождение узких улиц в нахичеванских селениях, особенно в горных, считая, что главными причинами в этом случае явились «патриархально-родовые отношения, ограничивавшие права землепользования в общине, без разрешения которой никто не мог самостоятельно предпринимать какие-либо действия для благоустройства улицы», а также применение «несовершенных видов транспорта» (стр. 50). Как известно, узкие улицы сел — обычное явление для периода средневековья, результат прежде всего крестьянского малоземелья, типичного для феодального строя и наиболее остро ощущавшегося именно в горных районах.

Не соответствует также действительности и утверждение автора, что «наиболее распространенным в Нахичеванской АССР типом жилых домов является карадам с эйваном» (стр. 94). Даже в конце прошлого столетия для края, особенно для его низменных районов, в которых проживала большая часть населения, основным видом жилища был однокомнатный турлучный дом с плоской земляной кровлей, что подтверждается как сохранившимся старым жилым фондом республики, так и письменными источниками, в частности некоторыми из тех, на которые ссылается сам М. Н. Насирли. Не следует также забывать, что карадам — это жилище большой патриархальной (а в древности материнской) семьи, которая в Нахичевани, как и в большинстве других районов Азербайджана, в XIX в. доживала свои последние дни.

Серьезные возражения вызывает резкая диспропорция отдельных частей работы и неодинаковая ценность представленного в ней материала. Так, если описанию поселений в книге отведена целая глава, жилищу — восемь обширных разделов (стр. 70—115), то хозяйственным, общественным, ремесленно-производственным постройкам и сооружением, вместе взятым, уделено всего 15 страниц. При этом, например, каждый из таких разделов, как «Хозяйственно-бытовые постройки», «Культурно-бытовые постройки», «Культурно-просветительные постройки» и «Ремесленно-производственные постройки», составляет от пяти до пятнадцати общих фраз. В то же время в книге много излишних сведений из области истории и географии, которыми, помимо специальной первой главы, заполнены первые страницы и двух последующих глав, в результате чего встречаются повторения. Так, в книге трижды (стр. 14, 31, 49) говорится о поселении мидийцев на территории края, два раза (в историческом очерке и в начале главы о поселениях) — о первоначальных этапах (палеолите, неолите и т. п.) его этнической истории. Особенно подробно излагаются вопросы землевладения, землепользования и социальных отношений в нахичеванской деревне в период существования самостоятельного феодального ханства и в XIX в. (стр. 37—44), что, по сути дела, не имеет прямого отношения к основной теме работы. Много в книге также общеизвестных истин и общих рассуждений вроде того, что «жилище необходимо человеку для отдыха, ночлега; здесь он укрывается от жары, холода, хранит в нем имущество, продукты и т. д.» (стр. 70).

Чтение рецензируемой книги затрудняется также из-за большого числа искажений имен. Например, персидский царь Кир назван Кирсом (стр. 14), немецкий историк-искусствовед Диз — Диром (стр. 17, прим. 2). В работе встречаются плохо отредактированные фразы. Так, на стр. 48 (в примечании) читаем: «Многоводная река Аракс, протекающая вдоль всей южной границы республики с Персией и Турцией, вследствие низкого расположения по сравнению с территорией мелиоративной техники, не могла способствовать развитию сельского хозяйства края» и т. п.

Тем не менее в целом работа М. Н. Насирли по содержащемуся в ней фактическому материалу заслуживает внимания со стороны тех, кто интересуется этнографией Азербайджана.

В. Кобычев

М. А. Бикжанова. *Семья в колхозах Узбекистана. На материалах колхозов Наманганской области*. Ташкент, 1959, 136 стр.

Глубокое, всестороннее изучение жизни народа, в частности семьи и семейного быта, имеет не только большое теоретическое, но и огромное практическое значение.

Стоящая перед советским народом задача построения коммунизма вызывает необходимость создания подлинно передовой семьи и решительной борьбы с феодальными и капиталистическими пережитками в семейно-брачных отношениях и семейном быту. Поэтому исследование истории семьи, как справедливо отмечает автор во введении к своей книге, «является одной из важных проблем изучения жизни народных масс страны Советов, осуществляющих под руководством Коммунистической партии переход от социализма к коммунизму» (стр. 6). Исходя из этой мысли, основной своей

целью автор рецензируемой книги ставит показ на этнографическом материале процесса сложения колхозной семьи в условиях Узбекистана и преодоления пережитков прошлого.

М. А. Бикжанова не является пионером в изучении колхозной семьи Средней Азии. Этому посвящены многие страницы в работах С. М. Абрамзона¹, Н. А. Кислякова², в «Среднеазиатском этнографическом сборнике» (вып. 1 и 2), в Трудах археолого-этнографических экспедиций и особенно — в журнале «Советская этнография» за послевоенный период. Колхозная семья узбеков была частично исследована и самой М. А. Бикжановой в книге «Прошлое и настоящее селения Айкыран», где этому отведена специальная глава³. Интерес советских этнографов к изучению семьи вызван актуальностью этой проблемы в настоящее время.

Рецензируемая книга является плодом многолетней полевой работы автора. В ней содержатся материалы, собранные М. А. Бикжановой во время неоднократных поездок (в основном в течение 1951—1953 гг.) в колхозы Наманганской области Узбекской ССР, ныне вошедшей в Андижанскую область. Вопросы семьи и семейного быта изучались автором в двенадцати колхозах, наиболее типичных для этой области. Как известно, данная область находится в Ферганской долине — жемчужине Узбекистана, древнем центре земледелия, и потому выбор автором объекта исследований надо признать весьма удачным.

Рецензируемая книга состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении дается краткий обзор литературы по данной теме, а также общая характеристика современного хозяйства и культуры Наманганской области (в частности, обследованных колхозов).

Первая глава — «Из прошлого колхозной семьи» посвящена описанию дореволюционной семьи узбеков вообще и исследуемой области в частности. Автор отмечает, что для предреволюционного периода была типична неразделенная семья, состоявшая из двух поколений брачных пар и являвшаяся переходной формой от большой патриархальной семьи к малой семье. Однако принцип выделения из такой семьи женатых сыновей получил уже силу обычая, чему способствовало проникновение в Фергану товарно-денежных отношений. Для такой семьи были характерны деспотическая власть главы семьи, браки, заключаемые по воле родителей, многоженство в зажиточных семьях, уплата за невесту калыма или отработка за жену, развод только по инициативе мужа, бесправное положение женщины, особенно невестки, затворничество женщины.

Во второй главе — «Положение женщины в сельских районах после Октября» автор прослеживает путь борьбы за раскрепощение и фактическое равноправие женщины в этот период. Приводится содержание законодательных актов Советского правительства — запрещение многоженства, калыма, установление брачного возраста. Затем автор подробно излагает мероприятия, направленные на повышение культурного уровня женщины, вовлечение ее в общественную и производственную жизнь, на борьбу с затворничеством, неравноправием женщины в семье и обществе. Формы этих мероприятий, как известно, были весьма разнообразны: комиссии по улучшению быта (КУБТ), женотделы, институты женделегаток, так называемые «семейные кружки» (оиляви тугарак), курсы ликбеза, вовлечение женщины в различные виды кооперации, в частности создание кустарно-промысловых и бедняцких женских артелей. М. А. Бикжанова рисует также картину борьбы самой женщины за свое раскрепощение — поистине героические поступки передовых женщин 20-х годов, решившихся выступить против невежества и косности, злобных выпадов реакции, в частности духовенства, и нередко жертвовавших за это своей жизнью. Она останавливается на движении, известном под названием «Худжум», в 1927 г. — массовом сбрасывании паранджи.

Особо автор останавливается на значении коллективизации сельского хозяйства для достижения женщиной фактического равноправия и экономической независимости. Ярко показана в книге роль узбекских колхозниц в различных областях трудовой и общественной жизни в предвоенные годы и годы войны, а также в послевоенный период.

В последней главе «Современная колхозная семья» автор на конкретных примерах рассматривает коренные изменения, происшедшие в семейных отношениях узбеков в советский период. Носителями нового, прогрессивного начала были коммунисты и комсомольцы, воины, вернувшиеся с фронтов первой мировой и гражданской войн, наиболее сознательные женщины. Автор показывает значение колхозного строя в деле создания новой семьи, роль просветительной и воспитательной работы, школы, а также расширения политического кругозора и повышения общего культурного уровня колхозников.

¹ С. М. Абрамзон, *Киргизская семья в эпоху социализма*, Л., 1957.

² Н. П. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пешерева, С. П. Русаякина, *Культура и быт таджикского колхозного крестьянства*, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIV, М.—Л., 1954, стр. 111—194.

³ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, *Прошлое и настоящее селения Айкыран*, Ташкент, 1955, стр. 179—236.

Подробному анализу подвергнуты отношения между супругами, между братьями и сестрами, отношение к престарелым родителям и к детям, улучшение положения невестки. Автор констатирует заключение браков по взаимной склонности, изживание ранних браков, увеличение числа смешанных (в отношении национальной принадлежности) браков. Автор рассматривает также ряд моментов, связанных с заключением брака — сватовство (которое теперь превращается в проформу), расходы на свадьбу, регистрацию в загсе и отношение к мусульманскому акту бракосочетания, изживание старой обрядности, а также разводы и их причины.

Автор отмечает, что в исследованных им районах, при довольно еще широком распространении пережитков неразделенной семьи, типичной стала моногамная семья (стр. 121). Большевесемейный уклад с некоторыми патриархальными чертами частично сохраняется лишь в силу традиции, причем и такие семьи в корне отличаются от прежних, вследствие экономической и правовой независимости их членов (стр. 122—132).

Основываясь на обширном материале, автор проводит мысль о том, что «семья в советское время не является частным делом, как это было до революции; в ее судьбах, в здоровой основе семейного быта заинтересовано все советское общество и государство в целом. Ее внутренний строй и отношения между ее членами, несмотря на их индивидуальный, личный характер, не отгорожены от общества стеной; они обусловлены общественными отношениями и находятся под общественным контролем» (стр. 88).

Работа завершается кратким заключением, в котором даны общие выводы.

Основные проблемы, связанные с темой исследования, решены М. А. Бикжановой удачно. Одним из важных упущений автора, однако, является недостаточное освещение семейного быта. Между тем, описание повседневной жизни колхозной семьи помогло бы, несомненно, еще ярче показать современное положение женщины, являющейся активным членом нового социалистического общества, обрисовать коренные отличия современной семьи от дореволюционной. Вопросы быта отодвинуты в работе на второй план, — в результате отдельные явления в семье остались невыясненными. Например, на стр. 47 и далее, говоря о значении семейных кружков (онияви тугарак), автор отмечает, что они способствовали проведению по-новому семейных празднеств по случаю рождения ребенка, свадьбы и т. п., но для читателя остается непонятным, в чем заключается это «новое»⁴.

Не уделяет автор должного внимания также исследованию хозяйства семьи и семейного бюджета, вскрывающего экономические основы и внутреннюю динамику развития семьи. Между тем, это дало бы представление как об уровне материальной жизни, так и об экономическом значении в семье общественного хозяйства, сыгравшего в конечном счете решающую роль в создании новой крестьянской семьи.

Не совсем убедительно показаны в книге пережитки феодально-байского отношения к женщине в современных условиях. Автору следовало бы, не ограничиваясь общими фразами, быть более смелым, вскрывая пороки, унаследованные от прошлого, в семье и семейных отношениях. Ведь кому, как не ученому-этнографу, заниматься этим важным вопросом и тем самым помочь советскому обществу в искоренении вредных пережитков.

Во введении автор слишком кратко останавливается на истории проблемы. Нужно было бы более подробно охарактеризовать работы дореволюционных исследователей, особенно таких, как супруги Наливкины; их труд «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» (Казань, 1886) имеет непосредственное отношение к теме рецензируемой работы.

В целом же рецензируемый труд представляет, несомненно, ценность для этнографического изучения узбекского народа.

И. Джаббаров

⁴ В 1925—1930 гг. «семейные кружки» были распространены почти повсеместно в районных центрах и крупных кишлаках Наманганской области. Целью этих кружков было вывести женщин из затворничества, поднять их культурный уровень и приучить их к товарищескому общению с мужчинами. «Семейные кружки», распространенные первоначально в среде коммунистов, комсомольцев и сельских активистов, способствовали установлению равноправных отношений между женщинами и мужчинами. В такие кружки объединялось несколько семей, которые собирались поочередно друг у друга в доме, обычно в выходной день, по пятницам. Иногда готовилось угощение, собравшиеся вели беседы; на таких кружках по-новому отмечались семейные праздники. В некоторых районах «семейные кружки» приобретали более общественный характер, типа собраний, на которых читались доклады и лекции. Со своих собраний члены таких кружков уходили организованно, так как необходимо было оберегать женщин от возможных нападений реакционных элементов. В свое время «семейные кружки» сыграли положительную роль в борьбе с феодально-байским отношением к женщине, способствовали установлению равноправных отношений между мужчинами и женщинами.